

Общее и различное в методологии описания польских островных диалектов Сибири и польских «кресовых» говоров

На территории Сибири на сегодняшний день выявлены переселенческие говоры двух типов: говоры переселенцев старой этнически польской территории и говоры переселенцев с так называемых «Кресов» — восточного пограничья бывшей Речи Посполитой (подробнее см. Ананьева 2013а). Примером последних является остаток польского диалекта, бытовавшего до недавнего времени в д. Белосток под Томском. При сопоставлении методов изучения переселенческих говоров Сибири и крестьянских говоров «польщины кресовой» мы, естественно, рассматриваем только островные диалекты, возникшие вследствие переселения в Сибирь диалектоносителей, репрезентирующих старые польские говоры, оставляя за скобками образования «белостоцкого» типа.

Среди изученных в разной степени континуантов старых польских говоров, функционирующих на территории Сибири, в настоящее время можно выделить два подтипа, причем диаметрально противоположных по своим особенностям: это говор *юго-западного* типа (д. Вершина Боханского района Иркутской области) и говор *северо-восточного* типа (д. Александровка и д. Знаменка под Абаканом).

Об особенностях говора вершинян см., в частности, (Ananiewa 2012; Ананьева 2013b; 2015; Mitrenga-Ulitina 2015). О некоторых чертах польского говора д. Знаменка и Александровка см., например, (Stupiński 2008; 2009; Ananiewa 2015).

Описание диалектов предполагает применение ряда основных подходов, из которых мы выделим три:

1) системное внутривидовое поуровневое описание диалекта (фонетическая и фонологическая подсистема, морфологическая подсистема, словообразовательный уровень, синтаксические особенности, лексика и фразеология); такой подход (исключающий внесение какой-либо выходящей за данную диалектную систему информации) сформировался в рамках научной парадигмы, постулирующей системный характер диалектного языка, и находит определенную параллель в дескриптивном анализе бесписьменных индейских языков американскими лингвистами, которые описывали эти идиомы, не обращаясь к их истории и прасостоянию (*синхронно-системный* подход);

2) сопоставление с родственным языковым кодом, представленное либо в виде приведения особенностей этого кода в комментариях к основному тексту (фоновые сведения при реализации первого подхода как основного) или в самом тексте, либо в постулировании родственного языкового кода в качестве точки отсчета, исходной «прасистемы»; второй случай можно назвать *диахроническим* подходом;

3) выявление реального функционирования диалектного идиома, включающее его возрастную и гендерную дифференциацию (если таковые имеются), результаты контактов с соседними идиомами (в том числе с литературными языками), особенности отдельных диалектных идиосистем, условия употребления диалекта (т. е. явления, входящие в понятие «языковая ситуация») и прогнозирование исторической судьбы данного диалектного образования (пожалуй, самое неблагодарное и ненадежное дело: ср. предсказание о появлении новых смешанных или переходных говоров на так называемых *Ziemiach Odzyskanych* и в результате констатацию фактов перехода жителей этих регионов, являющихся носителями исторически разных диалектов, в общении между собой не на «смешанные» или «переходные» говоры, а на в разной степени модифицированный литературный польский язык); третий подход можно назвать *социолингвистическим*.

Внутрисистемные монографические описания, опирающиеся и на материал континуантов старых письменных польских диалектов и анализирующие данные восточных периферийных крестьянских польских говоров, идентичны по своим методологическим установкам. Это не выходящее за пределы исследуемой диалектной системы *поуровневое* (или *одноуровневое*, если анализируется какая-то одна подсистема) исследование диалектной структуры, состоящей из взаимосвязанных между собой компонентов. Задача структурно-системного подхода — выявление всех (или, по крайней мере, наиболее существенных) особенностей того или иного уровня диасистемы (или всех ее уровней) и конкретного наполнения процесса взаимодействия и взаимосвязей между этими уровнями (или в пределах одного уровня).

Также нет принципиального различия в применении социолингвистического подхода к материалу островных польских говоров Сибири и данным периферийных польских говоров (учете возрастного, гендерного и индивидуального факторов, выявлении контактирующих идиомов и условий функционирования, условном «прогнозировании»). Естественно, что конкретные результаты этого социолингвистического анализа будут различными для сибирских островных польских говоров и крестьянской разновидности «польщины кресовой».

Так, периферийные северо-восточные говоры контактировали и контактируют с белорусским и литовским идиомами, юго-восточные — с украинским языком, контакты с которыми отсутствуют у диалектоносителей островных говоров Сибири (за исключением вышеуказанного говора «бело-стоцкого» типа, относящегося к северо-восточному подтипу крестьянских периферийных говоров).

С другой стороны, и на польские островные диалекты «старого» типа, и на периферийные польские говоры влиял и влияет (для периферийных польских говоров Литвы, Белоруссии и Украины так, по крайней мере, было до 90-х гг. XX в.) русский язык в его литературном и диалектном вариантах. И здесь механизмы воздействия и его результаты (и, соответственно, методы исследования) совпадают. Выявляется совпадение «слабых» звеньев польской системы, подвергающихся модификации при столкновении с русским идиомом. Например, личные окончания претеритальных форм — типа *ja poszła* вместо *poszłam*, порядковые числительные, обозначающие десятки в номинации года и обозначающие время, — типа *tysiąc dziewięćset pięćdziesiąt ósmy* вместо *tysiąc dziewięćset pięćdziesiąty ósmy* и *w pięć godzin* вместо *o godzinie piątej*, коллоквиальные средства (дискурсивные слова) типа усилительных и утвердительных частиц, наречий, коллоквиальных клише (*daże* вместо или наряду с *nawet*, *oczeń* вместо или наряду с *bardzo*, *da* вместо или наряду с *tak*, ср. также *ap'ác' «znów»* в Вершине, *točno* «dokładnie» в Знаменке, *f kurs'e* (литер. *być dobrze zorientowanym w czymś, wiedzieć o czym, znać coś*) — повсеместно в Литве и Белоруссии, *vot i fs'o* — в Сибири и на «Кресах» (*fšo* в Знаменке).

О том, что заимствование разговорных клише и частиц — своего рода *универсалия*, свидетельствует, в частности, заимствование немецкого *ja* 'да' во многих языках, контактировавших с немецким идиомом (например, в латышском, и в том числе в польских говорах, находящихся в контакте с немецким языком, включая и польский говор д. Александровка и Знаменка, куда *ja* в виде *jo* вошло в период до переселения диалектоносителей с территории Мазовии). Совпадают и экстралингвистические факторы, вследствие которых для ряда тематических групп лексики наиболее характерно воздействие русского языка: бывшее общее колхозное устройство деревни с номинациями соответствующих реалий типа *koxos* (д. Вершина) — *kotxos* (Кресы), *magazyn* «sklep» (Кресы и Сибирь), *kvaterant* «lokator» (д. Сунтупы под Смолвами); названия профессий: ср. в д. Вершина *skotn'ik*, *p'ečni'ik*, *traktorystka*, в северо-восточной «смолвенской польщизне» *kam'en'sik* «murarz», *kryl'sik daxu* (д. Сунтупы под Смолвами); школьная и больничная

терминология (например, названия болезней *cynga* «szkorbut» и *kor* «odra» в д. Вершина). Воздействие русского языка проявляется в идентичных лексико-семантических (и шире — тематических) группах, причем конкретные русизмы могут как совпадать, так и дифференцироваться в периферийных польских говорах и в островных польских диалектах Сибири. Например, в тематической группе «Животный мир» (микрорегион «названия птиц») в д. Вершина и в польских говорах под Смолвами отмечены совпадение в номинации *kuropatka* и близость форм *lastéčka* (Смолвы) и *lástočka* (д. Вершина). Помимо совпадений в каждом из этих говоров в данной тематической группе представлены также другие русизмы. Так, в «смолвенской польщизне» отмечены следующие русизмы (в кавычках здесь и далее приведены польские литературные соответствия): *krol'ik* «król, królik», *m'ez'v'ez'* «niedźwiedź», *sojka* «sójka», *capl'a* «czapla», *mol'* «mól», *kokt'i* (вместо *razury*), *šm'el'* «trzmiel», *stšyž* «jerzyk» (ср. русск. стриж), гибриды *ježik* «jež» (ср. русск. ёжик) и *š'v'erčyk* «świerszcz» (ср. русск. сверчок), *nerest* «tarło» (ср. *ryba po neres'c'e*) и *nerestovac'* «trzeć się» (ср. *nerestuje* «trze się»), *p'eskar* «kielb» (ср. русск. пескарь), *som* «sum», *forel'a* «pstrąg», *kámbala* (наряду с балтизмом (?) *plakšn'a*), *žabry* «skrzzele». Примеры русизмов из микрополя «орудия, связанные с рыболовным промыслом»: *lotka*, *kater*, *poplávek* — мн. ч. *poplask'i* «splawik». Под влиянием русского языка употребляются формы женского рода *l'isa* «lis» (русск. лиса), *ščura* «szczur» (русск. крыса).

Что касается русизмов в данной тематической группе в д. Вершина, то мы уже приводили их на предыдущем Круглом столе по диалектологии в докладе, посвященном лексике островных польских говоров (ср. *guxar* «głuszec», *rapčyk* «jarząbek» и др.).

Приведем примеры русизмов из еще одной тематической группы — «Семейные и родственные отношения». Русизмы в этом лексическом классе отмечаются и в островных, и в периферийных польских говорах. Так, в польском смолвенском говоре зафиксированы русизмы: *pl'em'en'ik* «siostrzeniec; bratanek», *pl'em'en'ica* «siostrzenica; bratanica», *svat'a* «swojaczka; teściowa», *z'az'a* «wuj(ek), stryj(ek)», *pacán* «nastolatek», гибридное словосочетание *stara d'eva* «stara panna», сохранение под влиянием русского языка слов *sv'ekra* и *sv'ok'er* (литер. польск. *teść, teściowa*). Примеры русизмов из говора д. Вершина: *dvojurodny brat* «kuzyn», *rodn'a* «krewni» (ср. *rodn'a i sv'id'et'el'i*). В монографии С. Митренги-Улитиной «Język polski mieszkalców wsi Wierszyna na Syberii» приводятся лексемы *rod'it'el'i* «rodzice» (в тексте) и *t'ošša* «teściowa» (в словаре) (Mitrenga-Ulitina 2015: 167). В Знаменке зафиксировано *ba-*

buška z d'eduškaj, rodn'a.

Под воздействием русского языка возникают разнообразные гибридные образования, что является *контактологической универсалией*. Примеры из смолвенского диалекта: *stlupek, stlupečk'i* «*ślupek, ślupeczki*» с *t* под влиянием русск. столбик; *sroka treščy* (с *r* из русского языка, но в отличие от русского *r* здесь твердое) вместо польск. *trzeszczy*, впрочем, невозможного в польском для передачи звука, передаваемого сорокой (по-польски было бы *terkocze, trajkocze*, ср. русск. трещит — о сороке). Пример гибридной формы из говора д. Вершина: *murov'isko* (контаминация русск. муравейник и польск. *mgowisko*).

Как в островных, так и в периферийных восточных польских говорах иноязычное воздействие не ограничивается русским идиомом. Естественно, что в периферийных польских говорах северо-восточной разновидности это контакты с белорусским и балтийским (литовским) идиомами (причем контакт с данными идиомами для части территории имел характер субстрата), для юго-восточной разновидности — это воздействие украинского идиома, а для островных польских говоров «старого» типа это были контакты, которые осуществлялись на их «материнской» территории: в северо-восточных мазурских говорах, потомки носителей которых живут в настоящее время в дд. Александровка и Знаменка, — с немецким идиомом, а на территории Малой Польши и Силезии, откуда происходят предки современных жителей д. Вершина, — со словацким или чешским идиомами, отчасти с немецким (ср. лексемы *buněk* 'внебрачный ребенок' и *fest* 'сильно; много; очень'). Хронология этих заимствований различна, и четко установить ее вряд ли возможно, хотя к каким-то результатам предположительного характера можно в некоторых случаях прийти. Так, среди балтизмов (литуанизмов), функционирующих в северо-восточной разновидности периферийного польского диалекта, выделяются более древние, повсеместно известные на территории Великого княжества Литовского (например, *dyrvan* ≤ литов. *dirvonas* 'залежь, залежная земля' или *odryn'a* 'сарай' — упоминается еще в «Повести временных лет» в рассказе о том, как княгиня Ольга сожгла Искоростень), и проникшие в польские говоры из литовского языка позднее, в процессе массового перехода части литовского автохтонного населения на польский со второй половины XIX в. По всей видимости, к таким более поздним литуанизмам относятся в смолвенских говорах номинации животных *bebr* (литов. *bėbras* 'бобер'), *šašók* (через белорусское посредничество) наряду с распространенным в других районах Литвы *šeška* (литов. *šėškas*) 'хорек', *potal'iška* 'бабочка' или название блюда *raug'en'a* (литов. *gaugienė*) 'солодуха'. Не останавливаясь подробнее на сложной проблеме хронологизации заимствований,

перейдем к диахроническому подходу, при котором проявляются существенные различия в методике исследования периферийных польских говоров и островных «старых» польских диалектов. Если периферийные польские говоры — относительно новые образования (причем северо-восточные польские говоры «моложе» юго-восточной разновидности), представляющие в большинстве случаев (это касается северо-востока) модификацию регионального польского литературного языка в устах автохтонов (литовцев и белорусов), то островные польские говоры — это континуанты старых племенных диалектов. Соответственно, точкой отсчета при сопоставлении с родственным идиомом для периферийных польских говоров может быть литературный польский язык данного региона того периода, в который происходило образование этих периферийных говоров. Для них не существенна шкала диалектных признаков К. Нитча, разработанная для старых племенных польских диалектов, поскольку в них представлены те результаты, которые были свойственны литературному польскому языку времени образования этих говоров. В первую очередь это касается кресового северо-восточного подтипа. На юго-востоке ситуация сложнее, так как там есть и говоры переселенческого типа (например, с малопольскими чертами, как у диалектоносителей дд. Шаровечка и Матьковцы под г. Хмельницкий). Материал же островных сибирских польских говоров, являющихся континуантами племенных диалектов, мы соотносим с «прасостоянием», с той шкалой дифференциальных признаков, существенных для польских старых диалектов, которую разработал К. Нитч: т. е. что представлено на месте долгих $\bar{o}$, $\bar{a}$, $\bar{e}$, узкий или широкий здесь тип ринезма праславянских носовых гласных, есть ли начальные *re* и *je* типа *rek* «рак», *jek* «jak», совпадают или не совпадают в одном звуке гласные *i* и *u*, асинхронный или синхронный тип палатального губного ряда и т. д. При этом внешне, казалось бы, совпадающие факты в племенных диалектах и периферийных говорах могут иметь различную природу, иной генезис. Так, сев.-вост. *vantroba* или *ida f ta strona* обусловлены не широким континуантом др.-польск. ǫ как в старых племенных диалектах с широким произношением носового переднего ряда, а сложными процессами в области вокализма, так называемым «аканьем» на месте *e*, соотносящимся с литовским расширенным *e* и, по всей видимости, с белорусским яканьем (ср. *naša ojcy L'itv'iny byl'i, nožam* тв. ед. и т. д. при *m'ensa, genś, jenzyk* и т. д. на северо-восточных Кресах). Налагая матрицу дифференциальных признаков на данные островных диалектов, являющихся континуантами старых племенных говоров, мы и обнаруживаем, по крайней мере для сегодняшнего состояния обследования польских говоров в Сибири, наличие здесь двух противопо-

ложных типов континуантов старых племенных диалектов: в д. Вершина под Иркутском (малопольско-силезского) и северо-восточного (мазурского) в дд. Знаменка и Александровка под Абаканом. Например, ярко выраженный асинхронный тип произношения палатальных губных с частой утратой собственно губного элемента — *pšoke* «piekę» и *žadro* «wiadro» в дд. Знаменка и Александровка и синхронный тип произношения мягких губных в д. Вершина, звонкий тип сандхи в Вершине и глухой в Знаменке и Александровке, совпадение *i* и *y* в Знаменке и Александровке и их дифференциация в Вершине, полномасштабное мазурирование (т. е. изменение звуков *š, ż, ć, ź* в *s, z, c, ʒ*) в Знаменке и Александровке и цеканье (т. е. изменение только *ć* в *c*) в Вершине, отсутствие чередования *'e ~ 'o* в Вершине (*b'ere* «bioę», *m'etca* «motła») и расширение его функционирования в Знаменке и Александровке (*pšoke* «piekę», *pšoko* «pieka» ~ *pšeces* «pieczesz»), ряд малопольско-силезских лексем в Вершине (*kaj, k'ej, ʒ'oica, xab'ina* и др., включая заимствования, характерные для юго-запада Польши, — *buŋk* «внебрачный ребенок», *fest* «сильно; очень; много», *rusy* «тараканы») и мазовецких в Знаменке и Александровке (*prosek* «друга, приглашающий на свадьбу или просящий подарков для невесты», *kokos* «петух», *zabażać* «захотеть», *bencyk* «живот» и др., включая заимствования, характерные для северо-восточного Мазовья, в том числе германизмы — *gruska* «бабушка», *gruzek* «дедушка», *šurek* «мальчик» и др.).

Таким образом, в наибольшей степени различия в методологии исследования и описания островных польских говоров, являющихся континуантами старых (племенных) диалектов, и восточных периферийных польских говоров касаются диахронического аспекта (выбора точки отсчета). При анализе материала островных польских диалектов старого типа эта точка отсчета располагается на хронологической оси на гораздо более значительной глубине по сравнению с возможной точкой отсчета при исследовании крестьянской разновидности «польщизны кресовой».

Все три подхода в идеале были бы желательны при полном монографическом описании какого-либо говора. Но чаще мы имеем дело с одним из трех или с каким-то фрагментом каждого из трех подходов, поскольку полное трехаспектное монографическое описание — задача чрезвычайно трудоемкая.

В 2015 г. вышла в свет уже упоминавшаяся нами монография С. Митренги-Улитиной, посвященная польскому говору д. Вершина. Работа представляет собой главным образом внутрисистемное поуровневое описание: фонетика, словоизменение, словообразование, синтаксис, лексика (включая приведение нескольких диалектных текстов), краткий словарь. В сносках приводятся в качестве фоновых данные из других польских диалектов, в том чи-

сле и малопольских. Однако собственно диахронический аспект отсутствует, поскольку нигде не выделены все малопольские особенности данного говора и его полидиалектные черты. В тексте работы часто употребляется определение «польский язык» (*język polski*), с которым сопоставляются как с точкой отсчета те или иные черты говора Вершины. Ср.: «W polszczyźnie wierzynian, podobnie jak w języku polskim...» (В польском языке вершинян, как в польском языке...) (Mitrenga-Ulitina 2015: 59), «W języku mieszkańców Wierzyny, podobnie jak w języku polskim występuje...» (В языке жителей Вершины, как и в польском языке, представлено...) (Mitrenga-Ulitina 2015: 60) и т. д. Если под словосочетанием *język polski* имеется в виду современный литературный польский язык, то такое сопоставление методологически некорректно. Отсутствие диахронического взгляда, системного, а не выборочного соотнесения особенностей диалекта Вершины с малопольско-силезским регионом приводит к неверным формулировкам вроде «утраты категории мужского лица как в склонении, так и в спряжении» («zatarcie kategorii męskoosobowości zarówno w zakresie deklinacji, jak i koniugacji» (Mitrenga-Ulitina 2015: 145), создавая иллюзию (не подтверждаемую материалом), что эта категория когда-то была у диалектоносителей. В Заключении только упоминается о малопольском характере говора (без перечня его малопольских признаков). Главное здесь для автора — подчеркнуть его «польскость» («ogólnopolski», «ogólnogwarowy» характер) и выделить некоторые результаты влияния русского идиома, приведенные ранее в разделах о словоизменении, лексике, а также в фонетической части (звонкость *v* после глухих согласных). Таким образом, социолингвистический аспект (точнее его элементы: контакт с иноязычной системой) включен в синхронное описание диалектного идиома. Вызывает также вопрос: почему среди 29 информантов нет молодежи и детей (самый старший респондент родился в 1915 г., а самый младший — 1966 г. рождения)? Если они уже не говорят по-польски, то следовало бы на это указать. Если отсутствие записей от молодых жителей Вершины — случайность, то ее тоже следовало бы объяснить. В противном случае приводимые в Заключении оптимистические прогнозы вершинян о том, что их язык «не исчезнет» («język nie zginie») (Mitrenga-Ulitina 2015: 144), нуждаются в корректировке.

Словарь, в котором представлена, как пишет автор, наиболее частотная лексика, мог бы быть полнее. Так, в нем есть лексема *kaj* ‘куда; где’, но отсутствует столь же частотное *kiej* ‘когда’. Для лексемы *bunĭk* приведено значение «owad» ‘насекомое’. Но гораздо существеннее для определения генезиса вершинского говора является то, что *bunĭk* в этом говоре имеет, как в

малопольских и силезских говорах, значение ‘внебрачный ребенок’.

В довольно обстоятельном и детальном синхронном описании тем не менее также имеются недочеты. Например, при анализе альтернатив в презентных парадигмах глагола не указана тождественность альтернантов в 1 л. мн. ч., 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. в глаголах I и II спряжений (приводятся формы *potogę – potożeś*, но нет форм 1 л. мн. ч. *moguty, sązuty* и под.). А именно оппозиция «1 л. ед. ч. 1 л. мн. ч., 3 л. мн. ч. ~ остальные формы презенса» характерна для говоров Малой Польши и Силезии.

В нашу задачу в данной статье не входит рецензия труда С. Митренги-Улитиной (подробному анализу этого исследования мы посвятим следующую работу). Здесь мы только хотели продемонстрировать, как в конкретном описании островного польского диалекта применяются (или не применяются) выделенные нами выше 3 подхода. Естественно, что выход в свет первой монографии, целиком посвященной островному польскому диалекту в Сибири, следует приветствовать, что не исключает возможности критических замечаний как частного, так и более общего характера.

Литература

- Ананьева 2013а — Ананьева Н. Е. Типология польских говоров Сибири и результаты их контактов с русским идиомом // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск. 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 467–478.
- Ананьева 2013б — Ананьева Н. Е. Морфология глагола в польском говоре с. Вершина в Иркутской области // Исследования по славянской диалектологии. 16. Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления. М., 2013. С. 203–210.
- Ананьева 2015 — Ананьева Н. Е. Островной польский диалект // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. М., 2015. Кн. II. С. 9–18.
- Ananiewa 2012 — Ananiewa N. Niektóre właściwości polskiej gwary wyspowej na Syberii // Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego. Łódź, 2012. T. LVIII. S. 5–13.
- Ananiewa 2015 — Ananiewa N. Germanizmy leksykalne w dwóch polskich gwarach wyspowych na Syberii // Gwary dziś. Poznań, 2015. T. 7. S. 169–175.
- Mitrenga-Ulitina 2015 — Mitrenga-Ulitina S. Język polski mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii. Lublin, 2015.
- Stupiński 2008 — Stupiński E. Geneza polszczyzny w okolicy Krasnojarska // Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego. T. LIII, Łódź, 2008. S. 207–217.
- Stupiński 2009 — Stupiński E. Wpływy wschodniosłowiańskie na polszczyznę okolic Krasnojarska // Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego. Łódź, 2009. T. LIV. S. 197–204.

Summary

Natalya Ananyeva

**Similarities and differences in the methodology of study
of the isolated Polish dialects in Siberia and the peripheral Polish dialects**

The article looks at the three main approaches to the study and description of dialects. The first one is the synchronic approach, which neither has any initial system, nor any kind of an initial standard. The second one is the diachronic aspect resting on a certain initial system. The third one is the socio-linguistic approach. The first and the third aspects are identical when applied to the isolated Polish dialects of Siberia and the eastern peripheral Polish dialects, while the second approach demonstrates certain differences. This is due to the fact that the peripheral Polish dialects and the isolated Polish dialects in Siberia, which are continuants of old tribal dialects, have different initial systems: the ancestor dialect for two types of the Siberian Polish dialects (the Mazursky dialect in the villages of Znamenka and Aleksandrovka near Abakhan and the Malopolsky dialect in the village of Vershina near Irkutsk) and a regional variation of the literary Polish language for the eastern peripheral Polish dialects. This variation came into being with the appearance of the Polish peasant dialects on the territory of the eastern border of the former Polish–Lithuanian Commonwealth.